

АРКАДИЙ ГАЙДАР

ВСАДНИКИ

НЕПРИСТУПНЫХ ГОР

Аркадий Гайдар

Всадники неприступных гор

«Public Domain»

1927

Гайдар А. П.

Всадники неприступных гор / А. П. Гайдар — «Public Domain»,
1927

«Вот уже восемь лет, как я рыскаю по территории бывшей Российской империи. У меня нет цели тщательно исследовать каждый закоулок и всесторонне изучить всю страну. У меня просто – привычка. Нигде я не сплю так крепко, как на жесткой полке качающегося вагона, и никогда я не бываю так спокоен, как у распахнутого окна вагонной площадки, окна, в которое врывается свежий ночной ветер, бешеный стук колес, да чугунный рев дышащего огнем и искрами паровоза...»

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Аркадий Гайдар

Всадники неприступных гор

Часть первая

Вот уже восемь лет, как я рыскаю по территории бывшей Российской империи. У меня нет цели тщательно исследовать каждый закоулок и всесторонне изучить всю страну. У меня просто – привычка. Нигде я не сплю так крепко, как на жесткой полке качающегося вагона, и никогда я не бываю так спокоен, как у распахнутого окна вагонной площадки, окна, в которое врывается свежий ночной ветер, бешеный стук колес, да чугунный рев дышащего огнем и искрами паровоза.

И когда случается мне попасть в домашнюю спокойную обстановку, я, вернувшийся из очередного путешествия, по обыкновению, измотанный, изорванный и уставший, наслаждаюсь мягким покоем комнатной тишины, валяюсь, не снимая сапог, по диванам, по кроватям и, окутавшись похожим на ладан синим дымом трубочного табака, клянусь себе мысленно, что эта поездка была последнею, что пора остановиться, привести все пережитое в систему и на серо-зеленом ландшафте спокойно-ленивой реки Камы дать отдохнуть глазам от яркого блеска лучей солнечной долины Мцхета или от желтых песков пустыни Кара-Кум, от роскошной зелени пальмовых парков Черноморского побережья, от смены лиц и, главное, от смены впечатлений.

Но проходит неделя-другая, и окрашенные облака потухающего горизонта, как караван верблюдов, отправляющихся через пески в далекую Хиву, начинают снова звенеть монотонными медными бубенцами. Паровозный гудок, доносящийся из-за далеких васильковых полей, чаще и чаще напоминает мне о том, что семафоры открыты. А старуха-жизнь, поднимая в морщинистых крепких руках зеленый флаг – зеленую ширь бескрайних полей, подает сигнал о том, что на предоставленном мне участке путь свободен.

И тогда оканчивается сонный покой размеренной по часам жизни и спокойное тиканье поставленного на восемь утра будильника.

Пусть только не подумает кто-либо, что мне скучно и некуда девать себя и что я, подобно маятнику, шатаюсь взад и вперед только для того, чтобы в монотонном укачивании одурманить не знающую, что ей надо, голову.

Все это – глупости. Я знаю, что мне надо. Мне 23 года, и объем моей груди равен девяносто шести сантиметрам, и я легко выжимаю левой рукой двухпудовую гирию.

Мне хочется до того времени, когда у меня в первый раз появится насморк или какая-нибудь другая болезнь, обрекающая человека на необходимость лечь ровно в девять, предварительно приняв порошок аспирина, – пока не наступит этот период, как можно больше перевертеться, перекрутиться в водовороте с тем, чтобы на зеленый бархатный берег выбросило меня порядком уже измученным, усталым, но гордым от сознания своей силы и от сознания того, что я успел разглядеть и узнать больше, чем за это же время увидели и узнали другие.

А потому я и тороплюсь. И потому, когда мне было 15 лет, я командовал уже 4-й ротой бригады курсантов, охваченной кольцом змеиной петлюровщины. В 16 лет – батальоном. В 17 лет – пятьдесят восьмым особым полком, а в 20 лет – в первый раз попал в психиатрическую лечебницу.

Весною я окончил книгу¹. Два обстоятельства наталкивали меня на мысль уехать куда-либо. Во-первых, от работы устала голова, во-вторых, вопреки присущему всем издательствам скопидомству деньги на этот раз заплатили без всякой канители и все сразу.

Я решил уехать за границу. Две недели для практики я изъяснялся со всеми, вплоть до редакционной курьерши, на некоем языке, имеющем, вероятно, весьма смутное сходство с языком обитателей Франции. И на третью неделю я получил в визе отказ.

И вместе с путеводителем по Парижу я вышвырнул из головы досаду за неожиданную задержку.

– Рита! – сказал я девушке, которую любил. – Мы поедем с тобой в Среднюю Азию. Там есть города Ташкент, Самарканд, а также розовый урюк, серые ишаки и всякая такая прочая экзотика. Мы поедем туда послезавтра ночью со скорым, и мы возьмем с собой Кольку.

– Понятно, – сказала она, подумав немного, – понятно, что послезавтра, что в Азию, но непонятно, зачем брать с собой Кольку.

– Рита, – ответил я резонно. – Во-первых, Колька любит тебя, во-вторых, он хороший парень, а в-третьих, когда через три недели у нас не будет ни копейки денег, то ты не станешь скучать, пока один из нас будет гоняться за едой либо за деньгами на еду.

Рита засмеялась в ответ, и, пока она смеялась, я подумал, что ее зубы вполне пригодны для того, чтобы разгрызть сухой початок кукурузы, если бы в том случилась нужда.

Она помолчала, потом положила мне руку на плечо и сказала:

– Хорошо. Но пусть только он на все время пути выкинет из головы фантазии о смысле жизни и прочих туманных вещах. Иначе мне все-таки будет скучно.

– Рита, – ответил я твердо, – на все время пути он выкинет из головы вышеозначенные мысли, а также не будет декламировать тебе стихи Есенина и прочих современных поэтов. Он будет собирать дрова для костра и варить кашу. А я возьму на себя все остальное.

– А я что?

– А ты ничего. Ты будешь зачислена «в резерв Красной Армии и Флота» до тех пор, пока обстоятельства не потребуют твоей посильной помощи.

Рита положила мне вторую руку на второе плечо и пристально посмотрела мне в глаза.

Я не знаю, что это у нее за привычка заглядывать в чужие окна!

– В Узбекистане женщины ходят с закрытыми лицами. Там цветут уже сады. В дымных чайханах перевитые тюрбанами узбеки курят чилим и поют восточные песни. Кроме того, там есть могила Тамерлана. Все это, должно быть, очень поэтично, – восторженно говорил мне Николай, закрывая страницы энциклопедического словаря.

Но словарь был ветхий, древний, а я отвык верить всему, что написано с твердыми знаками и через «ять», хотя бы это был учебник арифметики, ибо дважды и трижды за последние годы сломался мир. И я ответил ему:

– Могила Тамерлана, вероятно, так и осталась могилою, но в Самарканде уже есть женотдел, который срыгает чадру, комсомол, который не признает великого праздника ураза-байрам, а потом, вероятно, нет ни одного места на территории СССР, где бы в ущерб национальным песням не распевались «Кирпичики».

Николай нахмурился, хотя не знаю, что может он иметь против женотдела и революционных песен. Он наш – красный до подошвы, и в девятнадцатом, будучи с ним в дозоре, мы бросили однажды полную недоодевшую миску галушек, потому что пора было идти сообщать о результатах разведки своим.

Мартовской вьюжной ночью хлопьями бил снег в дрожавшие стекла мчащегося вагона. Самару проезжали в полночь. Был буран, и морозный ветер швырялся льдинками в лицо, когда я и Рита вышли на перрон вокзала.

¹ Речь идет о повести «Жизнь ни во что (Лбовщина)».

Было почти пусто. Ежась от холода, прятал в воротник красную фуражку дежурный по станции, да вокзальный сторож держал руку наготове у веревки звонка.

– Мне не верится, – сказала Рита.

– Во что?

– В то, что там, куда мы едем, тепло и солнце. Здесь так холодно.

– А там так тепло. Идем в вагон.

Николай стоял у окна, чертил что-то пальцем по стеклу.

– Ты о чем? – спросил я, дергая его за рукав.

– Буран, вьюга. Не может быть, чтобы там цвели уже розы!

– Вы оба об одном и том же. Я не знаю ничего про розы, но что там уж зелень – это ясно.

– Я люблю цветы, – сказал Николай и осторожно взял Риту за руку.

– Я тоже, – ответила ему она и еще осторожней отняла руку.

– А ты? – И она посмотрела на меня. – Что ты любишь? Я ответил ей:

– Я люблю свою шашку, которую снял с убитого польского улана, и люблю тебя.

– Кого больше? – спросила она, улыбаясь. И я ответил:

– Не знаю.

А она сказала:

– Неправда! Ты должен знать. – И, нахмурившись, села у окна, в которое мягко бились пересыпанные снежными цветами черные волосы зимней ночи.

Поезд догонял весну с каждой новой сотней верст. У Оренбурга была слякоть. У Кзыл-Орды было сухо. Возле Ташкента степи были зелены. А Самарканд, перепутанный лабиринтами глиняных стен, плавал в розовых лепестках уже отцветающего урюка.

Сначала мы жили в гостинице, потом перебрались в чайхану. Днем бродили по узеньким слепым улицам странного восточного города. Возвращались к вечеру утомленные, с головой, переполненной впечатлениями, с лицами, ноющими от загара, и с глазами, засыпанными острою пылью солнечных лучей.

Тогда владелец чайханы расстилал красный ковер на больших подмостках, на которых днем узбеки, сомкнувшись кольцом, медленно пьют жидкий кок-чай, передавая чашку по кругу, едят лепешки, густо пересыпанные конопляным семенем, и под монотонные звуки двухструнной домбры-дютора поют тягучие, непонятные песни.

Как-то раз мы бродили по старому городу и пришли куда-то к развалинам одной из древних башен. Было тихо и пусто. Издалека доносился рев ишаков и визг верблюдов да постукивание уличных кузнецов возле крытого базара.

Мы с Николаем сели на большой белый камень и закурили, а Рита легла на траву и, подставив солнцу лицо, зажмурилась.

– Мне нравится этот город, – сказал Николай. – Я много лет мечтал увидеть такой город, но до сих пор видел только на картинках и в кино. Здесь ничего еще не изломано; все продолжает спать и видеть красивые сны.

– Неправда, – ответил я, бросая окурок. – Ты фантазируешь. Из европейской части города уже добирается до тибетеечных лавок полуразвалившегося базара узкоколейка. Возле коробочных лавок, в которых курят чилим сонные торговцы, я видел уже вывески магазинов госторга, а поперек улицы возле союза Кошчи протянут красный плакат.

Николай с досадой отшвырнул окурок и ответил:

– Все это я знаю, и все это я вижу сам. Но к глиняным стенам плохо липнет красный плакат, и кажется он несвоевременным, заброшенным сюда еще из далекого будущего, и уж во всяком случае, не отражающим сегодняшнего дня. Вчера я был на могиле великого Тамерлана. Там у каменного входа седобородые старики с утра до ночи играют в древние шахматы, а над тяжелой могильной плитой склонились синее знамя и конский хвост. Это красиво, по крайней

мере потому, что здесь нет фальши, какая была бы, если бы туда поставили, взамен синего, красный флаг.

– Ты глуп, – ответил я ему спокойно. – У хромого Тамерлана есть только прошлое, и следы от его железной пяты день за днем стираются жизнью с лица земли. Его синее знамя давно выцвело, а конский хвост съеден молью, и у старого шейха-привратника есть, вероятно, сын-комсомолец, который, может быть, тайком еще, но ест уже лепешки до захода солнца в великий пост Рамазана и лучше знает биографию Буденного, бравшего в девятнадцатом Воронеже, чем историю Тамерлана, пятьсот лет тому назад громившего Азию.

– Нет, нет, неправда! – горячо возразил Николай. – Ты как думаешь, Рита?

Она повернула к нему голову и ответила коротко:

– В этом я, пожалуй, с тобой согласна. Я тоже люблю красивое...

Я улыбнулся.

– Ты, очевидно, ослепла от солнца, Рита, потому что...

Но в это время из-за поворота голубой тенью вышла закутанная в паранджу старая сгорбленная женщина. Увидев нас, она остановилась и гневно забормотала что-то, указывая пальцем на проломанный в стене каменный выход. Но мы, конечно, ничего не поняли.

– Гайдар, – сказал мне Николай, смущенно поднимаясь. – Может быть, тут нельзя... Может, это священный камень какой-то, а мы уселись на него и раскуриваем?

Мы встали и пошли. Попадали в тупики, шли узенькими улочками, по которым только-только могли разойтись двое, наконец, вышли на широкую окраину. Слева был небольшой обрыв, справа-холм, на котором сидели старики. Мы пошли по левой стороне, но вдруг с горы раздались крики и вой. Мы обернулись.

Старики, повскакав с мест, кричали нам что-то, размахивали руками и посохами.

– Гайдар, – сказал Николай, останавливаясь. – Может быть, тут нельзя, может быть, тут священное место какое?

– Глупости! – ответил я резко, – Какое тут священное место, когда кругом лошадиный навоз навален!..

Я не договорил, потому что Рита вскрикнула и испуганно отскочила назад, потом послышался треск, и Николай провалился по пояс в какую-то темную дыру. Мы еле успели вытащить его за руки, и, когда он выбрался, я заглянул вниз и понял все.

Мы давно уже свернули с дороги и шли по гнилой, засыпанной землей крыше караван-сарая. Внизу стояли верблюды, а вход в караван-сарай был со стороны обрыва.

Мы выбрались назад и, напутствуемые взглядами молчаливо рассеявшихся опять и успокоившихся стариков, прошли дальше. Зашли опять в пустую и кривую улочку и вдруг за поворотом лицом к лицу столкнулись с молоденькой узбечкой. Она быстро накинута на лицо черную чадру, но не совсем, а наполовину; потом остановилась, посмотрела на нас из-под чадры и совершенно неожиданно откинула ее снова.

– Русский? – гортанным, резким голосом спросила она. И когда я ответил утвердительно, засмеялась и сказала:

– Русский хорош, сарт плох.

Мы пошли рядом. Она почти ничего не знала по-русски, но все-таки мы разговаривали.

– И как они живут! – сказал мне Николай. – Замкнутые, оторванные от всего, запертые в стены дома. Все-таки какой дикий и неприступный еще Восток! Интересно узнать, чем она живет, чем интересуется...

– Погоди, – перебил я его. – Послушай, девушка, ты слыхала когда-нибудь про Ленина?

Она удивленно посмотрела на меня, ничего не понимая, а Николай пожал плечами.

– Про Ленина... – повторил я.

Вдруг счастливая улыбка заиграла на ее лице, и, довольная тем, что поняла меня, она ответила горячо:

– Лельнин, Лельнин знаю!.. – Она закивала головой, но не нашла подходящего русского слова и продолжала смеяться.

Потом насторожилась, кошкой отпрыгнула в сторону, глухо накинута чадру и, низко склонив голову, пошла вдоль стены мелкой торопливой походкой. У нее был, очевидно, хороший слух, потому что секунду спустя из-за поворота вышел тысячелетний мулла и, опершись на посох, он долго молча смотрел то на нас, то на голубую тень узбечки; вероятно, пытался что-то угадать, вероятно, угадывал, но молчал и тусклыми стеклянными глазами смотрел на двух чужеземцев и на европейскую девушку со смеющимся открытым лицом.

У Николая косые монгольские глаза, маленькая черная борода и подвижное смуглое лицо. Он худой, жилистый и цепкий. Он на четыре года старше меня, но это ничего не значит. Он пишет стихи, которые никому не показывает, грезит девятнадцатым годом и из партии автоматически выбыл в двадцать втором.

И в качестве мотивировки к этому отходу написал хорошую поэму, полную скорби и боли за «погибающую» революцию. Таким образом, исполнив свой гражданский «долг», он умыл руки, отошел в сторону, чтобы с горечью наблюдать за надвигающейся, по его мнению, гибелью всего того, что он искренно любил и чем он жил до сих пор.

Но это бесцельное наблюдение скоро надоело ему. Погибель, несмотря на все его предчувствия, не приходила, и он вторично воспринял революцию, оставаясь, однако, при глубоком убеждении, что настанет время, настанут огневые годы, когда ценою крови придется исправлять ошибку, совершенную в двадцать первом проклятом году.

Он любит кабаки и, когда выпьет, непременно стучит кулаком по столу и требует, чтобы музыканты играли революционно Буденновский марш: «О том, как в ночи ясные, о том, как в дни ненастные мы смело и гордо»... и т. д. Но так как марш этот по большей части не входит в репертуар увеселительных заведений, то он мирится на любимом цыганском романсе: «Эх, все, что было, все, что ныло, все давным-давно уплыло».

Во время музыкального исполнения он пристукивает в такт ногой, расплескивает пиво и, что еще хуже, делает неоднократные попытки разорвать ворот рубахи. Но ввиду категорического протеста товарищей это ему удается не всегда, однако все пуговицы с ворота он все-таки ухитряется оборвать. Он душа-парень, хороший товарищ и недурной журналист.

И это все о нем.

Впрочем, еще: он любит Риту, любит давно и крепко. Еще с тех пор, когда Рита звенела напропалую бубном и разметывала по плечам волосы, исполняя цыганский танец Брамса – номер, вызывающий бешеные хлопки подвыпивших людей.

Я знаю, что про себя он зовет ее «девушкой из кабака», и это название ему страшно нравится, потому что оно... романтично.

Мы шли по полю, засыпанному обломками заплесневелого кирпича. Под ногами в земле лежали кости погребенных когда-то тридцати тысяч солдат Тамерлана. Поле было серое, сухое, то и дело попадались отверстия провалившихся могил, и серые каменные мыши при шорохе наших шагов бесшумно прятались в пыльные норы. Мы были вдвоем. Я и Рита. Николай исчез куда-то еще с раннего утра.

– Гайдар, – спросила меня Рита, – за что ты любишь меня?

Я остановился и удивленными глазами посмотрел на нее. Я не понял этого вопроса. Но Рита упрямо взяла меня за руку и настойчиво повторила вопрос.

– Сядем на камень, – предложил я. – Правда, здесь слишком жжет, но тени все равно нигде нет. Сядь сюда, отдохни и не предлагай мне глупых вопросов.

Рита села, но не рядом со мной, а напротив. Резким ударом бамбуковой трости она сшибла колючий цветок у моих ног.

– Я не хочу, чтобы ты со мной так разговаривал. Я тебя спрашиваю, и ты должен отвечать.

– Рита! Есть вопросы, на которые трудно отвечать и которые к тому же не нужны и бесполезны.

– Я совсем не знаю, что тебе от меня надо? Когда со мной говорит Николай, я вижу, почему я ему нравлюсь, а когда молчишь ты, я ничего не вижу.

– А зачем тебе?

Рита откинула голову назад и, не жмурясь от солнца, посмотрела мне в лицо.

– Затем, чтобы сделать так, чтобы ты любил меня дольше.

– Хорошо, – ответил я. – Хорошо. Я подумаю и скажу тебе потом. А сейчас пойдем и заберемся на верхушку старой мечети, и оттуда нам будут видны сады всего Самарканда. Там обвалились каменные ступени лестницы, и ни с одной девушкой, кроме тебя, я не рискнул бы забраться туда.

Солнечные лучи мигом разгладили морщинки меж темных бровей Риты, и, оттолкнувшись рукой от моего плеча, скрывая улыбку, она прыгнула на соседний каменный утес.

Из песчаных пустынь с пересыпанных сахарным снегом горных вершин дул ветер. Он с яростью разласкавшегося щенка разматывал красный шарф Риты и теребил ее короткую серую юбку, забрасывая чуть-чуть выше колен. Но Рита... лишь смеется, захлебываясь слегка от ветра:

– Мы пойдем дальше и не будем сегодня расспрашивать стариков.

Я соглашаюсь. История тридцати тысяч истлевших скелетов мне сейчас менее нужна, чем одна теплая улыбка Риты.

И мы, смеясь, лезем на мечеть. На крутых изгибах темно и прохладно. Я чувствую, как Рита впереди меня останавливается, задерживаясь на минуту, и потом голова моя попадает в петлю ее гибких рук.

– Милый! Как хорошо, и какой чудный город Самарканд!..

А внизу под серыми плитами, под желтой землей, в многовековом покое спит в ржавчине неразглаженных морщин железный Тимур.

Деньги были на исходе. Но нас это мало огорчало, мы давно знали что рано или поздно, а придется остаться без них. Решили взять билеты до Бухары, и там будь что будет.

В лепестках осыпающегося урюка, зелени распускающихся садов качался потухающий диск вечернего солнца. Напоследок мы сидели на балконе, пропитанном пряным запахом душевного вечера, и мирно болтали. Было спокойно и тепло. Впереди была дорога-длинная, загадочная, как дымка снеговых гор, поблескивающих белыми вершинами, как горизонты за желтым морем сыпучих песков, как и всякая другая, еще не пройденная и непережитая дорога.

– Черта с два! – сказал Николай, захлопывая записную книгу. – Разве меня заманишь теперь в Россию? Что такое Россия? Разве там есть что-нибудь подобное?... – И он неопределенно помахал рукой вокруг себя. – Все одно и то же, да одно и то же. Надоело, опротивело и вообще... Ты посмотри, посмотри только... Вон внизу старый шейх сидит у ворот, и борода у него свесилась до земли. Он напоминает мне колдуна из «Тысячи и одной ночи». Знаешь, как это там... ну, где Али-Ахмет...

– У хозяина сдачи взял? – перебил я его.

– Взял... Я сегодня легенду одну слышал. Старик рассказывал. Интересная. Хочешь, расскажу?

– Нет. Ты перевернешь непременно и потом от себя половину прибавишь.

– Ерунда! – обиделся он. – Хочешь, Рита, я тебе расскажу?

Он уселся рядом с ней и, очевидно, подражая монотонному голосу рассказчика, начал говорить. Рита слушала вначале внимательно, но потом он увлек ее и убаюкал сказкой.

– Жил какой-то князь и любил одну красавицу. А красавица любила другого. После целого ряда ухищрений с целью склонить неприступную девушку он убивает ее возлюбленного. Тогда умирает с тоски и красавица, наказывая перед смертью похоронить ее рядом с любимым

человеком. Ее желание исполняют. Но гордый князь убивает себя и назло приказывает похоронить себя между ними, и тогда... Выросли над крайними могилами две белые розы и, склоня нежные стебли, ласково тянулись друг к другу. Но через несколько дней вырос посреди них дикий красный шиповник и... Так и после смерти его преступная любовь разъединила их. А кто прав, кто виноват – да рассудит в судный день великий Аллах...

Когда Николай кончил рассказывать, глаза его блеснули, а рука крепко сжимала руку Риты.

– Нет теперь такой любви, – не то насмешливо, не то с горечью, медленно и лениво ответила Рита.

– Есть... Есть, Рита! – горячо возразил он. – Есть люди, которые способны... – Но он оборвал и замолчал.

– Уж не на свои ли способности ты намекаешь? – дружески похлопывая его по плечу, сказал я, вставая. – Пойдемте спать, завтра подниматься рано.

Николай вышел. Рита осталась.

– погоди, – сказала она, потянув меня за рукав. – Сядь со мной, посиди немного.

Я сел. Она молчала.

– Ты недавно обещал сказать мне, за что ты любишь меня. Скажи!..

Я был поражен. Я думал, что это был минутный каприз, и забыл про него; я совсем не готовился к ответу, а потому и сказал наугад:

– За что? Какая ты чудачка, Рита! За то, что ты молода, за то, что ты хорошо бегаешь на лыжах, за то, что любишь меня, за твои смеющиеся глаза и за строгие черточки бровей и, наконец, потому, что надо же кого-нибудь любить.

– Кого-нибудь! Значит, тебе все равно?

– Почему же все равно?

– Значит, если бы ты не встретил меня, то все равно любил бы сейчас кого-нибудь?

– Возможно...

Рита замолчала, потянулась рукой к цветам, и я услышал, как хрустнула в темноте обломанная веточка урюка.

– Послушай, – сказала она, – а ведь так нехорошо как-то выходит. Как будто у животных. Пришла пора – значит, хочешь не хочешь, а люби. По-твоему так выходит!

– Рита, – ответил я, вставая, – по-моему выходит, что за последние дни ты странно подозрительна и нервна. Я не знаю, отчего это. Может быть, тебе нездоровится, а может быть, ты беременна?

Она вспыхнула. Снова захрустела разломанная на куски веточка. Рита встала и стряхнула с подола крошеные прутья.

– Ты говоришь глупости! Ты всегда и во всем найдешь гадость. Ты в душе черствый и сухой человек!

Тогда я посадил ее к себе на колени и не отпускал до тех пор, пока она не убедилась, что я не так черств и сух, как это ей казалось.

В пути, в темном вагоне четвертого класса кто-то украл у нас чемодан с вещами.

Обнаружил эту пропажу Николай. Проснувшись ночью, он пошарил по верхней полке, выругался несколько раз, потом растолкал меня:

– Вставай, вставай же! Где наш чемодан? Его нет!

– Украли, что ли? – сквозь сон спросил я, приподнимаясь на локоть. – Печально. Давай закурим.

Закурили.

– Скотство какое! Есть же такие проходимцы. Если бы я заметил, я бы разбил сукину сыну всю морду. Надо проводнику сказать. Крадет свечи, подлец, и темно в вагоне... Да чего же ты молчишь?

– А чего говорить без толку, – сонным голосом ответил я. – Дай огня.

Проснулась Рита. Выругала нас обоих идиотами, потом заявила, что она видит интересный сон, и, чтобы ей не мешали, укрылась одеялом, и повернулась на другой бок.

Слух о пропавшем чемодане обошел все углы вагона. Люди просыпались, испуганно бросались к своим вещам и, обнаружив их на месте, вздыхали облегченно.

– У кого украли? – спрашивал в темноте кто-то.

– Вон у этих, на средней полке.

– Ну что ж они?

– Ничего, лежат и курют.

– Симуляцию устраивают, – авторитетно заявил чей-то бас. – Как так можно, чтобы у них вещи пропали, а они курют!

Вагон оживился. Пришел проводник со свечами, начались рассказы очевидцев, потерпевших и сомневающих. Разговоров должно было хватить на всю ночь. Отдельные лица пробовали выразить нам сочувствие и соболезнование. Рита крепко спала и улыбалась чему-то во сне. Возмущенный Николай вступил в пререкания с проводником, обвиняя того в стяжательстве и корыстолюбии, а я вышел на площадку вагона.

Снова закурил и высунулся в окно.

Огромный диск луны висел над пустыней японским фонарем. Песчаные холмы, убегающие к далеким горизонтам, были пересыпаны голубой лунной пылью, чахлый кустарник в каменном безветрии замер и не гнулся.

Раздуваемая ветром мчащихся вагонов, папирота истлела и искурилась в полминуты. Позади послышался кашель, я обернулся и только сейчас заметил, что на площадке я не один. Предо мной стоял человек в плаще и в одной из тех широких дырявых шляп, какие часто носят пастухи южных губерний. Сначала он показался мне молодым. Но, приглядевшись, я заметил, что его плохо выбритое лицо покрыто глубокими морщинами и дышит он часто и не ровно.

– Разрешите, молодой человек, папиросу? – вежливо, но вместе с тем требовательно проговорил он.

Я дал. Он закурил и откашлялся.

– Слышал я, что случилось с вами несчастье. Конечно, подло. Но обратите внимание на то, что теперь покражи на дорогах, да и не только на дорогах, а и везде, стали обычным явлением. Народ потерял всякое представление о законе, о нравственности, о чести и порядочности.

Он откашлялся, высморкался в огромный платок и продолжал:

– Да и что с народа спрашивать, если сами стоящие у власти подали в свое время пример, узаконив грабеж и насилие?

Я насторожился.

– Да, да, – с внезапной резкостью опять продолжал он. – Все разломали, натравили массы: бери, мол, грабь. А теперь видите, к чему привели... Тигр, попробовавший крови, яблоками питаться не станет! Так и тут. Грабить чужого больше нечего. Все разграблено, так теперь друг на друга зубы точат. Было ли раньше воровство? Не отрицаю. Но тогда воровал кто? Вор, профессионал, а теперь – самый спокойный человек нет-нет да и подумает: а нельзя ли мне моего соседа нагреть? Да, да... Вы не перебивайте, молодой человек, я старше вас! И не смотрите подозрительно, я не боюсь. Я привык уже. Меня в свое время таскали и в ЧК, и в ГПУ, и я прямо говорю: ненавижу, но бессилён. Контрреволюционер, но ничего не могу. Стар и слаб. А был бы молод, сделал бы все, что можно, в защиту порядка и чести... Князь Оссовецкий, – меняя голос, отрекомендовался он. – И заметьте, не бывший, как это теперь пишут многие прохвосты, пристроившиеся на службу, а настоящий. Каким родился, таким и умру. Я и сам мог бы, но не хочу. Я старый коннозаводчик, специалист. Меня приглашали в ваш Наркомзем, но я не пошел – там сидят дворовые моего деда, и я сказал: нет, я беден, но я горд.

Приступ кашля, охвативший его, был так силен, что он согнулся, и его дырявая шляпа закачалась, зияя прорехами. Потом он молча повернулся и, не глядя на меня, уставился в окно.

Над пустыней начиналась песчаная буря. И ветер, вздыбливая пески, выл на луну, как дворовая собака воет протяжно на чью-то смерть.

Я вернулся в вагон. Николай спал, опустив нечаянно руку на плечо Риты. На всякий случай руку Николая с плеча Риты я убрал. Я лег рядом и, засыпая, представил себе заросший мхом замок, опускающийся мост, оборванные цепи и у ворот привратника в железных рыцарских доспехах, на которых ржавчины больше, чем металла. Стоит он и гордо сторожит вход в развалины, не подозревая того, что никто не собирается нападать на них, ибо никому, кроме его самого, старая плесень не нужна, не дорога и никчемна.

В Бухаре мы познакомились случайно с Махмудом Мурадзиновым, и он пригласил нас к себе к обеду. Махмуд был торговец шелками и коврами. Он был приветлив, хитер и пронырлив. По его косым, блестящим глазам никогда нельзя было понять, говорит ли он искренне или лжет.

У Махмуда все наполовину. Он набросил цветной халат и ходил по базару в каком-то старомодном сюртуке, но чалмы с головы не снял. Дома у него наряду с разостланными на полу коврами, стояли стулья. Но стола не было, и потому стулья казались бессмысленными и неоправданными. Его жены и дочь выходили к обеду, но разговаривать с нами не смели.

Говорил он по-русски хорошо, хотя и не особенно быстро:

– Садитесь, садитесь, пожалуйста Гассан, давай стулья.

Гассан – детина лет двадцати – выдвинул стулья на середину комнаты. Мы сели, но почувствовали себя крайне неудобно, ибо похожи были на пациентов, усевшихся для докторского осмотра. Рита запротестовала первой и, убравшись со стула, уселась на ковер. Я тоже. И только Николай, считавший почему-то, что, отказавшись от столь любезно предложенных хозяином стульев, он обидит его, долго еще дураком сидел в одиночестве посреди комнаты.

– Рассказывайте, пожалуйста, – то и дело просил нас хозяин. – Сейчас женщины окончат готовить обед. Рассказывайте, будьте так любезны!

Я, собственно говоря, не знал, о чем рассказывать. Начал о Москве, – он слушал внимательно. Вопросов он не задавал, и потому крайне трудно было угадать, что его больше всего интересует. Я заговорил о политике Советской власти в области национальных вопросов, надеясь вызвать его на беседу. Но он молчал и слушал, одобрительно покачивая головой. Тогда наконец я решил козырнуть, задев его за больное место всех купцов, и заговорил о налогах.

Но Махмуд все слушал и одобрительно покачивал головой, как бы в одинаковой степени одобряя все мероприятия и в области национальной, и в области налоговой политики, и вообще во всем.

Меня выручила Рита.

– Скажите, пожалуйста, сколько у вас жен? – бесцеремонно спросила она.

Махмуд изобразил на своем сухом лице приятную улыбку и ответил, чуть наклонив голову:

– Две. Они сейчас придут.

– А почему так мало? – спросила Рита.

– Больше не нужно. Дорого стоят, да и зачем мне больше? У вас сколько мужей есть? – в свою очередь хитро спросил он.

– Один, – ответила Рита, слегка покраснев. – Конечно, один, Махмуд.

– Зачем так мало? – вежливо спросил он и еще хитрее улыбнулся. – У вас теперь, говорят, даже такой закон вышел, что можно сколько хочешь жен и сколько хочешь мужей.

Рита стала с ним спорить, доказывая, что такого глупого закона нет. Он делал вид, что соглашается, но, по-видимому, верил ей мало.

Между тем Николай, не отрывая глаз, молча посматривал на соседнюю комнату, отдаленную широкими занавесками. Занавески иногда чуть-чуть колыхались, и за ними слышался сдержанный шепот. Потом они распахнулись, и разом в комнату вошли три женщины. Они были без паранджи и без чадры, но, очевидно, еще только недавно расстались с ними, потому что головы держали чуть-чуть склоненными и глаза опущенными вниз.

Стали обедать. Ели какой-то суп, в котором бараньего жира было больше, чем всего остального, потом подали плов – рис с бараниной, с кусочками моркови и изюмом.

Николай не сводил глаз с дочери Махмуда – Фатимы. Она почти ничего не ела и за все время ни разу не посмотрела ни на кого из нас, кроме Риты. За Ритой она наблюдала пристально, всматриваясь в каждую черточку лица и каждый жест, как бы стараясь запомнить его.

Николай подталкивал меня локтем, восхищаясь смуглым лицом девушки, но мне оно не особенно нравилось, и я старался больше насчет плова.

Кончив обедать, мы встали, поблагодарили и пожали руку хозяина. Николай подошел к девушке и, поклонившись, протянул ей руку тоже. Она вскинула на него испуганные глаза, отступила на шаг и вопросительно посмотрела на отца. Тот был, по-видимому, недоволен ее порывистостью; он резко сказал ей что-то по-своему! Тогда она покорно подошла и сама подала руку Николаю. Вышло как-то неловко.

После обеда вино немного развязало язык Махмуду.

– Скажите, пожалуйста, – подумав, спросил он, – какая республика самая главная в России?

– То есть в Союзе, – поправил его я. – Главных нет. Все одинаковые и на равных правах.

Ответ пришелся, по-видимому, по вкусу, он прищелкнул языком и сказал:

– Я же так тоже думаю, что на равных.

В это время Рита в углу расспрашивала о чем-то Фатиму. Та стояла перед ней, как провинившаяся, и что-то отвечала шепотом. Но Махмуду это, очевидно, не особенно понравилось. Он опять сказал ей что-то и, улыбнувшись, пояснил нам:

– Простите, пожалуйста, она выйдет по хозяйству на минутку.

Но девушка больше так и не вернулась. Потом мы распрощались и ушли.

В красной чайхане нам сказал узбек заведующий:

– Вы были уже у него? Он всегда зовет к себе людей, которые из Москвы, и расспрашивает, расспрашивает. Он очень умен. Он бывший курбаш и командовал басмачами. Он улыбается, но он хитрый, очень хитрый. Он ведет большую работу по разложению басмачества. Потому что видит, как возрождается наш край... Он почти забросил торговлю и читает по складам политграмоту. Но ему трудно сразу переломать себя во всем, потому что он уже стар.

– О чем ты говорила с его дочерью? – спросил я вечером Риту.

– Почти что ни о чем. Я не успела. Я спросила только ее, как ей нравится больше: в чадре или без чадры?

– А она?

– Она ответила, что в чадре, потому что без чадры страшно.

По энциклопедическому словарю выходило, что есть город Асхабад, что значит в переводе на русский язык «Сад любви». Живут там текинцы и туркмены и управляет ими генерал-губернатор.

Но соврал бессовестно старый, затрепанный словарь! Никакого такого Асхабада² и нет вовсе, а есть Полторацк – в память расстрелянного комиссара. Никакого генерал-губернаторства нет, а есть Туркменская Советская Республика. А что касается садов, так, правда, в Полторацке их много. Но ни в одном из них никакой любви мы не видели, потому что на этот счет за садами строго смотрят поставленные милиционеры.

² Ныне город Ашхабад – столица Туркменской ССР.

В Асхабад мы приехали с двумя рублями денег, небольшим непроданным еще чемоданом и большим неукраденным еще одеялом. Вещи сдали на хранение, благо за эту услугу денег вперед не берут, а сами отправились в город.

Я рассчитывал зайти в редакцию, дать пару очерков, фельетонов или рассказов, в общем, все равно что-только бы заплатили несколько рублей.

Но в редакции я наткнулся на запертую дверь, возле которой шелкающая семечки сторожиха объяснила мне, что сегодня начался мусульманский праздник ураза-байрам и никого в редакции нет и не будет три дня подряд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.